

Отзыв на автореферат диссертации Домшенко Е.И.
«Личный фонд как правовая форма обособления имущества
в целях управления частным капиталом»

I. Актуальность работы. Частные лица, независимо от правовой системы в которой они живут, заинтересованы опосредованно контролировать имущество, находясь при этом в «тени» (конфиденциальность), а в случае конфликта не делиться имуществом или выгодами от его использования со своими кредиторами или бывшими супругами (иммунитет). Правовая конструкция, позволяющая присваивать выгоды и одновременно устанавливающая иммунитет, всегда неоднозначно воспринималась доктриной. Должен ли пекарь, много лет назад отложивший деньги на свадьбу своей дочери, вверив их своему юристу, отвечать указанными средствами в случае пожара пекарни и последовавшего банкротства? Считается, что ответ на поставленный вопрос обнажает различие между цивилистической традицией и английским правом справедливости.

Национальное право одной страны, став в современном мобильном мире товаром, стремится конкурировать с правом других государств. Континентальные правопорядки, не принимая идеи о расщеплении собственности, предлагают взамен такие приемы юридической техники как обособление имущества посредством договора (доверительное управление) или создание юридического лица (частный фонд). Условия и степень обособления, границы иммунитета и другие акценты расставляются законодательствами различно в зависимости от политico-правовых соображений.

Российское гражданское право, будучи преемником советского гражданского права, относило утверждение о том, что «в России траста нет» к числу отечественных традиционных ценностей. Но всем нам с недавнего времени хорошо известен закон движения правовых позиций. Политика деофшоризации сформировала так называемый социальный запрос, реакцией на который стало появление в российском гражданском праве частных фондов, получивших в Гражданском Кодексе наименование «личные». Новый институт мгновенно приобрел как своих горячих сторонников, так и яростных противников. Уже этого обстоятельства достаточно чтобы назвать представленную диссертацию актуальной. Нормативная регламентация личных фондов нуждается в серьезном

догматическом исследовании, особенно с учетом того обстоятельства, что на стадии подготовки законопроекта такого исследования не проводилось. Недавние поправки в налоговое законодательство, предусмотревшие ряд льгот, сделали личный фонд, особенно прижизненный, востребованным на практике. Следовательно, суды и практикующие юристы также с нетерпением ждали настоящее исследование.

II. Достоинства. Судя по содержанию автореферата, автор заслуживает присвоения степени кандидата юридических наук. Обоснованными выглядят выносимый на защиту тезис о том, что ограничение ответственности фонда по долгам учредителя должно находиться в обратной зависимости от степени его участия в управлении имуществом. Заслуживает поддержки позиция автора о наличии у учредителя права на отзыв собственного заявления о неизменности документов фонда в случае нарушения органами фонда своих фидуциарных обязанностей. Можно согласиться с тезисом о том, что рамочное регулирование законодателем структуры органов фонда и сравнительно небольшое количество императивных норм относительно внутреннего управления является осознанным проявлением принципа автономии воли учредителя. Также отмеченное диссертантом сохранение имущества, требующего управления, в обладании одного лица это, безусловно, благо по сравнению с образовывающейся при наследовании общей собственностью лиц, зачастую не являющихся близкими друг другу (например, переживший родитель, новый супруг и дети от предыдущего брака). Аргументированным представляется тезис о том, что российское наследственное право традиционно не распространяет правило об обязательной наследственной доле на имущество, отчужденное лицом при жизни. Любопытными представляются наблюдения автора относительно изменения политики-правовых взглядов на обязательную наследственную долю.

III. Дискуссионные моменты. Вместе с тем, судя по автореферату, в диссертации присутствуют спорные или недостаточно обоснованные суждения, а также нюансы, на которые следовало бы обратить внимание.

3.1. Определяя сравнительно-правовое исследование в качестве одной из задач исследования (с.7 автореферата), диссертант верно указывает, что ряд стран, признающих частный фонд, называют наличие «идеальной цели» (например, финансирование научных исследований, сохранение театра, создание музея) в качестве непременного условия создания фонда (с.22 автореферата). В тексте автореферата диссертант не обосновывает почему российский законодатель предпочел отойти от этого императивного правила. Далее по тексту диссертации автор сравнивает личный фонд с английским

трастом, французской фидуцией и немецким Treuhand. Все эти правовые конструкции реализуют идею обособления имущества не через учреждение юридического лица. Исследование бы только выиграло, если бы автор раскрыл опыт Лихтенштейна, островов Гернси и Джерси, в правовых системах которых существуют личные фонды без идеальной цели и подтвердил либо опроверг тезис о том, что прототипом российского личного фонда стали «семейные копилки», функционирующие в вышенназванных офшорных юрисдикциях.

3.2. Тезис о том, что рамочное регулирование и минимальное количество императивных норм является проявлением принципа автономии воли учредителя (с.4 авторефера) может быть опровергнут следующим. Российский правоприменитель не знаком с фидуциарными отношениями, складывающимися при трасте (автором избран более широкий термин «агентская проблема»). Доктрина, определяющая степень должностной лояльности собственника, имущество которого призвано удовлетворять материальные интересы другого лица, российским судам неизвестна. Такие требующие судебного усмотрения способы защиты как дача судом указаний фонду; назначение выгодоприобретателя по решению суда; оспаривание одним выгодоприобретателем размера выплаты, произведенного другому выгодоприобретателю, на том основании, что исполнительные органы фонда неверно истолковали критерии, закрепленные документами фонда, и заслуживающие внимания внешние обстоятельства; реорганизация фонда по иску соучредителя супруга в случае расторжения брака воспринимаются судьями скептически. Не является ли принцип автономии воли учредителя ширмой, за которой скрывается отсутствие у нас опыта разрешения конфликтов, которые неизбежно будут возникать в будущем, в особенности после смерти учредителя? Устав и внутренние правила фонда, как бы они не были удачно составлены, во-первых, имеют объективный горизонт планирования, во-вторых, сталкиваются с консервативной позицией судей относительно находящегося в их распоряжении процессуального арсенала. Надеюсь, что в тексте диссертации даны конкретные рекомендации по поводу разрешения агентской проблемы, например, доводы в пользу юридической силы арбитражной оговорки, закрепленной в документах личного фонда, и обосновано, что передача капитала в личный фонд не станет ловушкой для членов семьи скончавшегося учредителя.

3.3. Сепарируя контроль над имуществом от получения выгоды иммунитета, законодатель запретил учредителю прижизненного фонда состоять в его исполнительных органах. Иным выгодоприобретателям,

помимо учредителя, это прямо разрешено, что уже возможно идет вразрез с заявленным диссертантом тезисом о том, что контроль «экономического собственника» должен влечь ответственность имуществом фонда по его долгам. Ситуация более усложняется тем, что специальная норма о наследственных фондах запрещает их выгодоприобретателям входить в исполнительные органы личного фонда, создаваемого посмертно. Распространяются ли на выгодоприобретателей фонда суждения диссертанта, сформулированные применительно к учредителю, обнаруживает ли текст Кодекса непоследовательность законодателя и начинает ли действовать правило о выгодоприобретателях наследственного фонда в отношении прижизненных фондов после смерти учредителя?

3.4. В правовых системах, признающих династические трасты и фонды, существует проблема имущественных прав супруга выгодоприобретателя. Современная доктрина семейного права, опираясь на идею супружеской солидарности, исходит из того, что материальные приращения, являющиеся результатом труда одного из супругов справедливо учитывать при расторжении брака. Диссертант указывает, что имущество, полученное от фонда выгодоприобретателем, становится его собственностью. Но для супруга выгодоприобретателя важно понимать о какой собственности идет речь: единоличной или общей. Более того, когда благосостояние фонда увеличено за счет участия выгодоприобретателя в его деятельности имеет ли супруг право претендовать на компенсацию?

3.5. Срок взаимной субсидиарной ответственности исчисляется законодателем с момента создания фонда. При этом срок внесения учредителем или третьими лицами имущества при создании фонда в Кодексе прямо не установлен. В нотариальной практике обозначился подход, согласно которому для создания фонда учредителю достаточно абстрактно указать, что в фонд вносится имущество, стоимость которого превышает установленный законом минимум. В фондах созданных таким образом неизбежен разрыв во времени между созданием и передачей имущества. Как следствие, легкое в применении правило о субсидиарной ответственности утрачивает эффективность и кредиторам учредителя остается идти по пути оспаривания сделок по внесению имущества по банкротным основаниям. Представляется, что упомянутая нотариальная практика требует оценки со стороны диссертанта, который в автореферате относит наличие «специального балансира» к числу элементов новизны (с. 11 автореферата) и делает особый акцент на том, что значительный объем имущества, передаваемый фонду при создании и норма о субсидиарной ответственности являются гарантией

удовлетворения интересов недобровольных кредиторов фонда (с.32-33 авторефера).

3.6. Неограниченная по сроку и содержанию свобода учредителя в вопросах определения судьбы имущества фонда после смерти учредителя, так называемый «контроль мертвой рукой», вступает в противоречие с доктриной наследственного права, исходящей из того, что правила управления имуществом, придуманные теми, кого больше нет, должны ограничиваться по объему и сроку их действия. Надеюсь, что в тексте диссертации присутствуют предложения, направленные на ограничение автономии воли учредителей, стремящихся увековечить себя в имуществе.

Высказанные замечания не умаляют достоинства выполненного исследования и являются ориентиром для дальнейшей научной работы.

Петров Евгений Юрьевич, к.ю.н.

Петров Е. В.

620027, г. Екатеринбург, ул.

Почта

Российская Федерация

Свердловская область, г. Екатеринбург

Пятнадцатого декабря две тысячи двадцать пятого года

Я, Котельников Александр Владимирович, временно исполняющий обязанности нотариуса нотариального округа город Екатеринбург Свердловской области Котельниковой Ольги Сверженевьны, свидетельствую подлинность подписи Петрова Евгения Юрьевича.

Подпись сделана в моем присутствии.

Личность подписавшего документ установлена.

Зарегистрировано в реестре: № 66/26-н/66-2025-7-748.

Уплачено за совершение нотариального действия: 1900 руб.

МП

А.В. Котельников